

ЛЕНИН О КОРОЛЕНКО

Предисловие Г. А. Бялого

Публикация В. Я. Зевина

О В. Г. Короленко Ленин впервые упомянул в своей классической книге «Развитие капитализма в России» (1899). Говоря о невозможности массового превращения кустарей в самостоятельных хозяев, Ленин сослался на «Павловские очерки» Короленко, где речь шла о полной зависимости кустарей от «далекого рынка» и от близких скупщиков, от зажиточных мастеров и фабрикантов. Кустари стремятся быть самостоятельными, они приобретают жалкие домишки, разводят садики, но все это, как показывает Короленко, только иллюзия самостоятельности, и не больше того: «Кустарь хватается за последнюю возможность самостоятельной жизни с такими же усилиями, как эти домишки за каждый выступ глинистого обрыва».

Это настойчивое стремление кустарей сохранить хотя бы видимость самостоятельности было как нельзя более характерно для периода превращения мелкого производителя в работника капиталистической мануфактуры. Типичность этого явления и отметил Ленин в «Развитии капитализма в России». Он указал, что многие кустари «обольщают еще себя всяческими иллюзиями о возможности (посредством крайнего напряжения работы, посредством бережливости и изворотливости) превратиться в самостоятельного хозяина»¹.

В «Павловских очерках» Короленко есть образ кустаря Дужкина, сурового «экономического человека», которому удалось именно посредством бережливости, беспощадной настойчивости и изворотливости открыть собственную торговлю и добиться положения «самостоятельного хозяина». Короленко показал, что это редчайший случай, почти что чудо. В цитированном труде Ленин сразу вслед за приведенной выше цитатой подчеркнул характерность короленковского Дужкина именно как исключительного явления. «Для единичных героев самодеятельности (вроде Дужкина в „Павловских очерках“ Короленко), — писал Ленин, — такое превращение в мануфактурный период еще возможно, но, конечно, не для массы неимущих деталей рабочих»². Ленин отметил, следовательно, жизненную правдивость одного из важных художественных образов Короленко и воспользовался этим образом в своем анализе судеб и перспектив кустарного производства в России.

Вторично Ленин вспомнил Короленко в 1907 г. в «Проекте речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе». К этому времени Короленко был уже широко популярен и как художник-беллетрист и как выдающийся общественный деятель. У всех в памяти было его мужественное выступление в защиту удмуртов, осужденных царским правительством по изуверскому обвинению в человеческих жертвоприношениях; выступление это завершилось полным оправданием удмуртских крестьян. С 1906 г. начинают появляться статьи и заметки Короленко по поводу бесчеловечного истязания украинских крестьян в Сорочинцах действительным статским советником Филоновым. Вскоре после появления в газете «Полтавщина» открытого письма Короленко, в котором разоблачались зверства Филонова, этот свирепый «каратель» был убит на одной из самых людных улиц Полтавы. Против Короленко началась черносотенная травля за «подстрекательство к убийству». 12 марта 1907 г. в Государственной думе монархист В. Шульгин назвал Короленко «писателем-убийцей».

В апреле того же года с речью по аграрному вопросу должен был выступать социал-демократический депутат Г. Алексинский. Для этого выступления Ленин написал «Проект речи». Упомянув сборник статистических материалов департамента земледе-

лия, обработанных неким С. А. Короленко, Ленин предостерег против смешения С. Короленко с его знаменитым однофамильцем, имя которого в заседании Думы не так давно было злобно упомянуто черносотенным депутатом. Ленин писал: «Обработал эти сведения г. С. А. Короленко — не смешивать с В. Г. Короленко; не прогрессивный писатель, а реакционный чиновник, вот кто этот г. С. А. Короленко»³. Так, в попутном замечании Короленко был охарактеризован Лениным как прогрессивный писатель.

Прогрессивный, демократический характер творчества и деятельности Короленко ясно сказывался и в последующей его борьбе против самодержавного произвола. В 1913 г. в статье, посвященной 60-летию Короленко, большевистская газета «Рабочая правда» писала: «В. Г. Короленко стоит в стороне от рабочего движения. Он лишь представитель радикальной, демократической интеллигенции с народнической закваской. Для своих печатных выступлений он даже избирает иногда такие чисто либеральные газеты, как „Речь“ и „Русские ведомости“. Но он сам несомненный демократ, всякий шаг народа на пути к демократии всегда найдет в нем сочувствие и поддержку.

Такие люди, как Короленко, редки и ценны»⁴. Однако, как указывал Ленин, «только в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад. Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму *не безусловна*, демократизм их всегда оглядывается назад»⁵. Короленко стоял в стороне от рабочего движения, поэтому при общем демократическом характере его деятельности ему свойственны были колебания, некоторые уступки либерализму, иной раз стремление выступать в союзе с либеральными кругами, словом «оглядка назад». В его деятельности были, таким образом, и сильные и слабые стороны.

Об этом говорят и публикуемые заметки Ленина на полях сборников, посвященных Короленко. Так, в письме Короленко к С. Д. Протопопову 9 августа 1911 г. (из сборника статей под ред. А. В. Петрицева) Ленин с сочувствием отмечает сильные слова Короленко против столыпинской реакции, против кадетов и октябристов, всегда подыгрывавших реакции и нападавших на левые партии. «Бороться и быть побежденными — это вовсе не глупо», — пишет Короленко по поводу поражения левых партий в ходе революции 1905 г., и Ленин особо выделяет эти слова.

Зато в 1916 г. в связи с организацией газеты «Русская воля», тесную связь которой с банкирами и промышленниками Короленко ясно видел, он в то же время выступил не против данной классовой организации газеты, а против «классовой точки зрения» вообще, наивно предполагая возможность внеклассовой позиции печатного органа. Это замечание Короленко, свидетельствующее об ограниченности его взглядов, также было отмечено Лениным, как и выпад против газет, открыто связанных с революционным пролетариатом в письме Короленко 9 ноября 1917 г.

Во время первой мировой войны, выступая против «воинственности» кадетов, против завоевательных планов буржуазии и ее публицистов, против лицемерных возгласов кадетов о «защите малых народностей» и т. д.⁶, Короленко в то же время в августе 1917 г. написал статью «Война, отечество и человечество», выпущенную затем отдельной брошюрой, в которой высказался за продолжение войны ради защиты отечества. Короленко, таким образом, не принял интернационалистской точки зрения революционных противников войны. Ленин познакомился с этой брошюрой лишь в 1919 г., и в письме к Горькому 15 сентября этого года резко осудил ее: «А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистской войны, прикрытая слащавыми фразами!» — писал он⁷. Когда в 1922 г. И. П. Белокопский в предисловии к сборнику писем Короленко написал о нем как о «писателе — гуманисте наших дней», Ленин вспомнил брошюру «Война, отечество и человечество» и написал на полях: «А брошюра его *за* войну 1917 года?» (см. стр. 724—725 настоящ. тома).

Короленко, считавший себя беспартийным социалистом, не принял идей большевиков и принципов диктатуры пролетариата. Это не помешало ему в июне — августе 1917 г. выступать против клеветы буржуазной печати на большевистских деятелей. В «Открытом письме В. Л. Бурцеву» Короленко обвинил его в том, что тот сделался «отголоском непроверенной клеветы против честных людей». «Вы открываете простор эпидемии клеветничества как орудия политической борьбы», — писал Короленко⁸.

После победы Октября Короленко, по-прежнему не соглашаясь с большевизмом, вместе с тем неоднократно выступал против произвола и бесчинств белогвардейских властей⁹. Об отношении Ленина к Короленко в этот период его деятельности дают ясное представление воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича.

«С наступлением Октябрьской революции мне пришлось неоднократно получать официальные сведения, как Управляющему делами Совета Народных Комиссаров, о том, что В. Г. Короленко весьма неодобрительно относится к деятельности представителей советской власти, считает совершенно ненужным и зловердным решительную борьбу диктатуры пролетариата с эксплуататорскими классами, называя ее „излишней жестокостью“. Он доказывал, что мирная эволюция в лоне республиканской конституции скорее достигнет желанной цели, чем решительная, беспощадная, нередко кровавая борьба классов, которая, по его мнению, только напрасно озлобляет народ. С присущей ему откровенностью и бесстрашием, Владимир Галактионович это свое мнение, шедшее вразрез с указаниями директивных органов партии и правительства, открыто высказывал всюду и везде, как в письмах, так и устно при разговорах, и на собраниях. Все сведения об этих фактах были известны Владимиру Ильичу.

— Не понимает он задачи нашей революции, — говорил Владимир Ильич. — Вот они все так: называют себя революционерами, социалистами, да еще народными, а что нужно для народа, даже и не представляют. Они готовы оставить и помещика, и фабриканта, и попа — всех на старых своих местах, лишь бы была возможность поболтать о тех или иных свободах в какой угодно гостиной. А осуществить революцию на деле — на это у них не хватает пороха и никогда не хватит. Мало надежды, что Короленко поймет, что сейчас делается в России, а впрочем, надо попытаться рассказать ему все поподробней. Надо просить А. В. Луначарского вступить с ним в переписку: ему удобней всего, как Комиссару народного просвещения и к тому же писателю. Пусть попытается, как он это отлично умеет, все поподробней рассказать Владимиру Галактионовичу — по крайней мере пусть он знает мотивы всего, что совершается. Может быть, перестанет осуждать и поможет нам в деле утверждения советского строя на местах.

При первом же свидании с Анатолием Васильевичем Владимир Ильич рассказал ему о возмущениях В. Г. Короленко и распорядился все сведения из Полтавы о выступлениях Короленко в дальнейшем пересылать лично А. В. Луначарскому.

— А сочинения Владимира Галактионовича надо сейчас же переиздать в Государственном издательстве как можно дешевле: они очень полезны для чтения широкими массами, — сказал Владимир Ильич, обращаясь к А. В. Луначарскому, члену редакции Госиздата¹⁰.

В 1921 году во время тяжелой болезни Короленко В. И. Ленин проявил заботу о больном писателе. В письме Наркомздраву Н. А. Семашко он писал: «Очень прошу назначить специальное лицо (лучше известного врача, знающего *за границу и известного за границей*) для отправки за границу, в Германию (Цюрупы, Крестинского, Осинского, Кураева, Горького, Короленко и других). Надо *умело* запросить, попросить, сагитировать, написать в Германию, помочь больным и т. д.

Сделать *архивкуратно*
(тщательно)»¹¹

Однако поглощенный работой над «Историей моего современника», Короленко выехать за границу не захотел, да он и понимал, что жить ему остается недолго. 25 декабря 1921 г. Владимир Галактионович скончался в Полтаве.

В это время в Москве, при ближайшем участии Ленина, происходил IX Всероссийский съезд Советов. На утреннем заседании 28 декабря председатель сообщил о смерти Короленко и предоставил слово Феликсу Коцу. «Уважаемые товарищи, — сказал Ф. Коц, — умер Короленко. Еще десяток лет назад это известие потрясло бы всю Россию снизу доверху как известие о смерти человека, который с ранних лет шел оудить темное крестьянское царство и призывать его к жизни. Но волны жизни катятся гораздо быстрее, чем мысль наших крупных людей, и тот, кто будил крестьянина и звал на борьбу, не успел за движением жизни. Он стал идеалистом, чутким ко всякой неправде, но с реальной жизнью и реальной борьбой в ногу идти не смог. Но для нас

дорог Короленко потому, что на всем протяжении его жизни, где горе слышится, где обидно чувствуется, там мы видим Короленко». Обрисовав роль писателя в деле Бейлиса, Ф. Кон продолжал: «Я не стану здесь описывать многострадальную жизнь Короленко, признанного в свое время русской совестью. Я только напомню вам один эпизод, который нам очень дорог. Я вам напомню ту оргию, которая разыгралась после февральских дней против большевиков, ту оргию всяких Алексинских, Бурцевых, когда они лучших наших вождей пытались смешать с грязью». Оратор рассказал о выступлении Короленко против Бурцева, о котором говорилось выше, и закончил речь такими словами: «Вот чем велик Короленко. У него всегда хватало гражданского мужества бросать правду в глаза и отстаивать свою правду, как он ее понимал. Товарищи, я думаю, что и съезд этого погибшего борца, этого поборника правды, верного себе до конца жизни, должен почтить. Я предлагаю почтить его память вставанием»¹².

Через год после смерти Короленко Ленин изучал сборники, посвященные его памяти, и сделал публикуемые пометы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин, т. 3, стр. 436.

² Там же.

³ Ленин, т. 15, стр. 132.

⁴ «Доктябрьская „Правда“ об искусстве и литературе». М., ГИХЛ, 1937, стр. 171.

⁵ Ленин, т. 2, стр. 454.

⁶ См. об этом в моей книге «В. Г. Короленко». М.—Л., 1949, стр. 293 и сл.

⁷ Ленин, т. 51, стр. 48.

⁸ «Русские ведомости», 1917, № 184. См. также: В. Короленко. Письмо в редакцию. «Русские ведомости», 1917, № 136.

⁹ О позиции Короленко в революционные годы см.: С. В. Короленко. Книга об отце. Ижевск, «Удмуртия», 1968, стр. 301 и сл.

¹⁰ «В. Г. Короленко в воспоминаниях современников». М., ГИХЛ, 1962, стр. 507—508.

¹¹ Ленин, т. 52, стр. 95.

¹² «Известия ВЦИК», 1921, № 294.

ПОМЕТЫ И ПОДЧЕРКИВАНИЯ ЛЕНИНА
НА КНИГАХ:ПИСЬМА В. Г. КОРОЛЕНКО К И. П. БЕЛОКОНОСКОМУ
1883—1921 гг. М., «Задруга», 1922

(5)* ОТ РЕДАКЦИИ

В литературном наследстве В. Г. Короленко наряду с чисто литературными произведениями видное место должны занять его письма. За время своей жизни Владимир Галактионович вел очень обширную и разнообразную переписку с широким кругом лиц, и переписка эта, из которой до сих пор в печати появились лишь небольшие отрывки, представляет чрезвычайно большой интерес как для личности самого писателя, так и для истории его времени. И это тем более, что В. Г. Короленко был одним из несчастных у нас мастеров эпистолярного мастерства. Написанные не для печати, набросанные наскоро под живым впечатлением того или иного события, той или иной мысли, его письма являются в своем роде образцовыми произведениями: так ярко встречающиеся в них жизненные картинки, так глубоко вложенные в них мысли, так сильно при всей сдержанности, скромности и беспритязательности их внешней формы скальвается в них пафос художника, мыслителя и гражданина.

Собрать и опубликовать все письма В. Г. Короленко, ввести их целиком в наследство, оставленное нам покойным писателем, — задача будущего, быть может, и не так далекого,

* В скобках указаны страницы книги.— *Ред.*

но все же будущего. Пока возможны лишь первые шаги по пути к выполнению этой задачи. Одним из таких шагов является и настоящая книга, (6) в которой И. П. Белоконосским собраны и прокомментированы письма к нему В. Г. Короленко — письма, охватывающие с некоторыми промежутокми почти сорокалетний период, с 1883 г. по 1921 г. Не все письма этого собрания оказалось возможным сейчас опубликовать. Некоторые — правда, очень немногие — из них пришлось опустить, как неподлежащие пока опубликованию по условиям настоящего момента. Что касается публикуемых в настоящей книге писем, то их содержание крайне разнообразно. В них немало сведений автобиографического характера, немало данных, рисующих обстановку жизни и работы покойного писателя в разные эпохи, начиная с пребывания его в восьмидесятих годах в Якутской области и кончая последними годами его жизни в Полтаве, и рядом с этим немало данных, касающихся общих судеб русской литературы, и журналистики. Много места в этих письмах занимает изображение фактического положения русской литературы и есть в них страницы, посвященные защите достоинства и чести литературы и ее деятелей. Особенно замечательно в этом смысле письмо, попавшее в коллекцию И. П. Белоконосского потому, что оно было прислано ему В. Г. Короленко в копии, — письмо Короленко к А. Н. Веселовскому по поводу исключения М. Горького из Академии. Это письмо по проникающему его моральному пафосу смело можно поставить наряду с заявлением В. Г. Короленко в 1881 г. об отказе от присяги. Наконец, в данной коллекции писем имеется немало ценных данных для истории русской общественности за то время, которое охватывают эти письма. И вместе с тем в них разбросан ряд замечаний и соображений о прошлом, настоящем и будущем нашей родины, замечаний, подчас скорбных, но неизменно полных глубокой мысли и проникнутых неиссякаемой бодростью.

(7) Пробегаая эти письма, эту непритязательную по форме, но богатую содержанием беседу с приятелем на протяжении почти сорока лет, читатель, которому был и остается дорог писатель Короленко, встретится с многим из того, что волновало его в произведениях ушедшего от нас писателя, но вместе с тем встретит и немало нового, в частности — узнает, как относился Короленко к событиям последних лет нашей жизни. И в результате перед таким читателем отчетливее и яснее встанут жизнь, работа и весь духовный облик писателя-гуманиста наших дней, того писателя, которому присвоил имя «совести русского общества».

А брошюра его
за войну 1917 года?

В. Г. КОРОЛЕНКО. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО.
СБОРНИК СТАТЕЙ ПОД РЕД. А. В. ПЕТРИЩЕВА
Пб., «Мысль», 1922

ИЗ ПИСЕМ В. Г. КОРОЛЕНКО С. Д. ПРОТОПОПОВУ

Сообщено С. Д. Протопоповым

(126)*

9 августа 1911. Полтава

Совершенно не согласен с мнением, будто «левые» сначала сделали, а потом погубили революцию. Не они сделали и не они погубили. «Левые» кого-то оттеснили? Но кого? Кто эти оттесненные, более умеренные? Ведь первая Дума была кадетской. Так разве и кадеты еще не достаточно умеренные? Что же — и кадеты напрасно оттеснили октябристов, которые так умеренно одобряли все глупости вроде полевых и военных судов? В третьей Думе были господами октябристы, а «левые» в это время уже были на каторге и в ссылке. Оказалось, что Столыпину нужны еще более «умеренные» — националисты. Значит, и октябристов надо винить в излишествах. «Дураков

NB

* Здесь и далее курсивом обозначены подчеркивания, сделанные Лениным.

сыграли» не одни левые, а вся Россия, и, может быть, октябристы всех больше. Борьба и быть побежденными — это вовсе не глупо. Но угрождать, поддерживать «печальные необходимости», применяться к желаниям торжествующей реакции с потерей достоинства и все-таки быть выпырынутыми — это, действительно, далеко не умное положение, и каким (127) образом можно в этом винить «левых» — не понимаю. Вообще — не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, но он-то, пожалуй, и ошибается всех глубже.

(132)

10 сентября 1916. Полтава

Вы спрашиваете: «если бы от вашего совета зависело сделать возникающую газету на несколько градусов либеральнее и левее — дали бы вы этот совет?» Без сомнения, дал бы и вообще охотно дал бы советы, если бы ко мне обратились вы или кто-нибудь из близких. А что мог бы я посоветовать в данном случае? Прежде всего устранить всякую двусмысленность, т. е. собирать средства для будущей газеты не у банкиров и промышленников, как таковых, а лишь у сочувствующих людей всякого звания, связанных известными взглядами, а не профессией или классовыми интересами. Это и было первородным грехом «нового органа». Нужно было не только не обещать защиту «справедливых интересов», но, наоборот, *подчеркнуть особенно и сугубо, что газета постарается отрешиться от классовой точки зрения.* Впоследствии это и было заявлено, но уже в полемике. На днях я прочитал, что будто банки уже отшатнулись. Не знаю, результат ли это именно выяснения дела в смысле последнего заявления или по другим причинам, но я несколько бы не удивился, если бы оказалось, что это вызвано именно выяснением дела. Дескать: вот оно что! Хорошо, что сказано еще не слишком поздно. Спасибо на приглашении, но банки — учреждения деловые и давать деньги на газету, в которой, быть может, будут «талантливо» громить наши же аппетиты, — слуги покорные! Так ведь это, Сергей Дмитриевич? И не происходит ли это именно от некоторой неясности в постановке вопроса у самих инициаторов? Такая ведь это невинная фраза: «газета будет защищать ваши справедливые интересы». Дайте денег. И вот это — «дайте денег» — совершенно изменяет невинное значение фразы. Этот узелок все равно должен быть вскрыт рано или поздно. Так вот, если бы у меня

NB

— 7 —

Пробегая эти письма, эту неприятную по форме, но богатую содержанием беседу с приятелем на протяжении почти сорока лет, читатель, которому бы и остается дорог писатель Короленко, встретится с многим из того, что волновало его в произведениях ушедшего от нас писателя, но вместе с тем встретит и не мало нового, в частности — узнает, как относился Короленко к событиям последних лет нашей жизни. И в результате перед таким читателем отчетливо и яснее встанут жизнь, работа и весь духовный облик писателя-гуманиста наших дней, того писателя, которому в последние его годы единодушный голос родной литературы присвоил имя «совести русского общества».

НАДПИСЬ ЛЕНИНА НА КНИГЕ «В. Г. КОРОЛЕНКО. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО. СБ. СТАТЕЙ ПОД РЕД. А. В. ПЕТРИЩЕВА», Пр., «МЫСЛЬ», 1922 г.

сиросили совета, как у доброго знакомого, я бы посоветовал выяснить этот вопрос сразу. И тогда, вероятно, сразу же оказалось бы, что затея или мертворожденная в идее, или... должна силою вещей привести к служению только «классовому либерализму». А тогда, конечно, и литературные силы надо искать в других лагерях.

Вы напоминаете случай со статьей о холере¹. Но это — эпизод совершенно иного порядка. Или, как теперь говорят: лежит (133) в другой плоскости. Вашу статью о мерзостях Баранова боялись поместить либеральные газеты. Вы спрашиваете: а что если поместить в «Гражданине»? Статья явно не «гражданская», но Мещерский, может быть, поместил бы из вражды к Баранову. Центр тяжести не в сотрудничестве в «Гражданине», а в оглашении факта или ряда фактов. Это вроде «письма в редакцию» или объявления, которые можно поместить всюду. Я помню одну статью в «Гражданине», по тону написанную разве для заграничного издания и направленную против тогдашнего вятского губернатора. Было очевидно, что писал не «гражданинец», а человек, настроенный чуть не революционно, и статья прошла благодаря особой конъюнктуре: бывший губернатор Троицкий сводил счеты со своим преемником (кажется, Анастасьевым), и Мещерский тоже имел против него зуб. Тут именно иная плоскость. Речь идет не о демонстрации единомыслия с данной газетой, а о политической ходе в борьбе. И вы тогда были еще не профессиональный писатель, а судебный следователь и гласный, вообще нижегородский общественный деятель, ведущий борьбу с губернаторскими подлостями хотя бы «письмом в редакцию» «Гражданина». Но когда дело идет о литературном участии, о демонстрации идейного единомыслия, тут дело совсем другого рода, и в этом отношении я стою за полную ясность и за отсутствие всяких поводов для недоразумений.

Еще два-три слова. Надеюсь, что вас не волнуют эти мои письма. Вы пишете: «отнеситесь снисходительно к вопросу» и т. д. Дорогой Сергей Дмитриевич, я тоже мог бы сказать: отнеситесь снисходительно к моей полемике. Я не только отношусь снисходительно, но хорошо помню, что это наше разногласие не покрывает многого, в чем так давно мы были согласны. Я не забываю из-за них... минувшие дни и битвы, где вместе рубились они (т. е. мы с вами).

Мне хочется еще сказать два слова: на днях кончился процесс Парамоновых. Лучшая статья о нем была в «Русск. вед.». В ней говорится, что клевета клеветой, но в деятельности Парамоновых было все-таки кое-что, чего с общественной точки зрения допускать не следует. Тут и либерализм, и оппозиционность, и «Донская речь», и травля со стороны черносотенцев и... своя выгода, все-таки *своя* рубашка, которая ближе к телу. Помните Бугрова? Это был человек искренний. У него было правило: благотворительность своим порядком, а при продаже «цена ценной, цену «бог ставит». Можно то же сказать и о другом: либерализм либерализмом, а интересы интересами, и никакому доброму желанию инициаторов новой газеты сего «закона» не изменить.

(134)

9 ноября 1917. Полтава

Получил №№ 3 и 4 «Нижегородск. листка». Там положение было серьезное. Но все-таки обошлось, слава те господи, без кровопролития. Порадовало меня отношение наборщиков к закрытию «Листка» и «Волгаря». А еще недавно принимали idiotские резолюции о праве наборщиков цензуровать и не набирать статей, которые они признают вредными «своему классу». И Стан. Ив. Гриневицкий это поддерживал. Я не сомневался, что никакими «приказами» нельзя дать перевеса в печати ни «правительственным вестникам», ни «рептилиям», *хотя бы это были рептилии его величества пролетариата*. Преобладание в прессе всегда будет за печатью независимой. NB

19 ноября 1917. Полтава

Надеялся вскоре прислать вам новую брошюру — «Война, отечество и человечество». Этой работе я придаю некоторое значение. Я думал об этих вопросах еще во Франции, читая наши русские интернационалистские газеты, в которых так опошлялся интернационализм, что в нем не было бы места ни Бебелю, ни Жоресу. Книжечка должна была бы уже выйти, но последние события ее задержали. NB

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 23273 и 23272.

¹ Эта статья была написана мною и обличала губернатора Баранова. «Русские ведомости» не решились ее принять, и я отнес ее, по совету Короленко, в «Гражданин» Мещерскому.